

Ангелина Сергеевна Ващук¹

va_lina@mail.ru

Нонна Михайловна Платонова²

nonnaplaton@mail.ru

ДВЕ СТРАТЕГИИ ПЛАНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ: ОТ НАУЧНЫХ ИДЕЙ К ПРАКТИКАМ РЕАЛИЗАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI в.)

В статье проанализирован исторический опыт планирования и развития российского Дальнего Востока во второй половине XX — начале XXI в. Применён методологический подход учёта взаимодействия между движением идей и их исторической средой. Авторами выявлены особенности становления советской и постсоветской моделей планирования развития дальневосточной территории, установлены взаимосвязи между доминирующими научными идеями и процессом принятия политических документов в контексте роли учёных и политиков. Реализация стратегии планирования показана с учётом дальневосточной политики, которая на протяжении имперского и советского периодов зависела от внутренней обстановки в стране, состояния управленческого класса, геополитической ситуации. Раскрыта эволюция советской модели, базировавшейся на теории территориального комплексного размещения производительных сил и директивном методе планирования. Проанализирован переход к модели, основанной на программно-индикативном методе и теориях «точек роста». Сделан вывод о создании в регионе индустриальной базы, но с определённой специализацией и сопутствующим отставанием уровня жизни населения от западных и центральных районов СССР. Кризис советской системы планирования в годы перестройки и распад хозяйственных связей в 1989—1992 гг. привели к деиндустриализации и социальной напряжённости на Дальнем Востоке. В 1990-е гг., в период формирования новой системы отношений по линии Центр — регион, дальневосточная политика имела инерционный характер. В начале XXI в. шло активное внедрение идей пространственной экономики и накопление опыта индикативного программно-целевого планирования, что сопровождалось наличием иллюзии быстрого эффекта от модели планирования на основе модели «точек роста».

Ключевые слова: Дальний Восток, планирование, прогнозирование, территориальное размещение производительных сил, пространственная экономика, интеллектуальная история, дальневосточная политика.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

² Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия.

Angelina S. Vaschuk³

va_lina@mail.ru

Nonna M. Platonova⁴

nonnaplaton@mail.ru

TWO STRATEGIES OF PLANNING AND DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN TERRITORY: FROM SCIENTIFIC IDEAS TO IMPLEMENTATION PRACTICES (SECOND HALF OF 20th — BEGINNING OF 21st CENTURY)

The article analyzes the historical experience of planning and development of the Russian Far East in the second half of the 20th — the beginning of the 21st century. The methodological approach of taking into account the interaction between the movement of ideas and their historical environment is applied. The author identifies the features of the formation of the Soviet and post-Soviet models of planning the development of the Far Eastern territory, establishes the relationship between the dominant scientific ideas and the process of adopting political documents in the context of the scientists and politicians role. The implementation of the planning strategy is shown taking into account the Far Eastern policy, which, during the imperial and Soviet periods, depended on the internal situation in the country, the state of the managerial class, and the geopolitical situation. The evolution of the Soviet model based on the theory of territorial complex allocation of productive forces and the directive method of planning is revealed. The transition to a model based on the program-indicative method and theories of “growth points” is analyzed. The conclusion is made about the creation of an industrial base in the region, but with a certain specialization and concomitant lag in the living standard of population from the western and central regions of the USSR. The crisis of the Soviet planning system during the years of perestroika and the collapse of economic ties in 1989—1992 led to deindustrialization and social tension in the Far East. In the 1990s, during the formation of a new system of relations along the Center — region line, the Far Eastern policy had an inertial character. At the beginning of the 21st century, there was an active introduction of the ideas of spatial economics and the accumulation of experience in indicative program-target planning, which was accompanied by the illusion of a rapid effect from the planning model based on the “points of growth” model.

Keywords: Far East, planning, forecasting, territorial distribution of productive forces, spatial economics, intellectual history, Far Eastern policy.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Новые исторические условия, в которых Россия оказалась в 2022 г., введение антироссийских санкций и ответ российского руководства в виде специального комплекса мер значительно актуализируют проблему

³ Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

⁴ Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia.

исторического опыта в российских регионах. Процесс планирования развития территории исследуется представителями разных наук. Приоритет изучения Дальнего Востока принадлежит экономистам и экономгеографам [1; 2; 25, с. 27—33]. Благодаря разработкам предшественников, а также накопленным за многие десятки лет источникам, у авторов статьи появилась возможность поставить новую задачу — проследить трансформацию моделей планирования развития Дальнего Востока, привлекая инструментарий интеллектуальной и социально-политической истории. Исходным принципом в постановке проблемы является признание взаимодействия между движением идей и их исторической средой, теми политическими, социально-экономическими, культурными и научными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. Политика и наука всегда имеют личностное измерение, так как они рефлексивны относительно систематизации опыта. Поэтому проблематизация исторического опыта планирования в развитии территории и управления ею, её научная концептуализация — это две грани исторического процесса.

Для исторического исследования этот уровень знаний очень важно дополнить таким аналитическим приёмом, как сопоставление моделей планирования (выработанных в том числе и на базе научного знания), которые отражались в политических документах и итогах их реализации, проанализированных исследователями. Безусловно, авторы учитывают, что советская модель планирования ушла в прошлое, имеет уже завершённый результат, а пришедшая ей на смену новая модель исследуется в рамках небольшого исторического горизонта. Тем не менее временной лаг внедрения новой стратегии планирования территориального развития (более 20 лет) позволяет анализировать первые исторические уроки. Прогнозирование, воплощённое в конкретных цифрах, во всех компонентах плана и зафиксированное в конкретных государственных документах (включая партийные для советского времени), рассматривается историками, как правило, через понятие дальневосточной политики. Чтобы показать вектор изменений советской модели планирования во второй половине XX в., необходимо учитывать период её становления, который, в свою очередь, имел собственные исторические корни.

Начальным рубежом в истории дальневосточного направления в планировании условно можно считать середину XIX в., когда в России появились первые проекты районирования. Тогда же началось и накопление комплексного научного знания о дальневосточной территории. С самого начала этот опыт складывался под влиянием политических факторов. Безусловно, важное значение имела цель, которую преследовало государство при освоении Дальнего Востока. Появление института Приамурского генерал-губернаторства и отношение губернаторов к проблеме планирования при освоении территории — это классический пример в истории.

Первая попытка перспективного планирования принадлежит А.Н. Корфу, умелому администратору, обладавшему большим талантом исследователя [19, с. 65]. Созванные им «съезды сведущих людей» стали фактически первой площадкой диалога власти и самой активной, образованной части дальневосточников. Следующим планом развития Приамурского края был проект Витте — Столыпина, реализованный и подкреплённый управленческими мерами. Планы освоения предусматривали прежде всего колонизацию, создание переселенческих органов, которые имели бы землеотводные, дорожные партии, агрономические отделы, школы и больницы. Тогда были свои трудности реализации этих планов, как финансовые, так и административные, особенно в отношениях с центральными ведомствами. Более того, вначале разработчики добивались принятия документов перспективного развития территории, обращаясь непосредственно к императору. Первым результатом стала реализация восточного мегапроекта России — строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, при осуществлении которого были большие издержки и социально-гуманитарного характера.

Исторический опыт планирования развития дальневосточной территории охватывает около 150 лет, на советский период приходится около 70 лет (1922—1991/1992), и уже в течение почти 20 лет формируется постсоветская модель.

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Сформировавшаяся за советское время партийно-государственная власть, принимая историческое наследие, а именно относительно освоенную и включённую дальневосточную территорию, в российское цивилизационное пространство, активно привлекала специалистов, которые опирались на теорию размещения производительных сил как главный инструментальный планирования и дальнейшего хозяйственного освоения восточных территорий. К этому времени теория развития производительных сил была достаточно популярна в трудах европейских учёных (А. Вебер, И.Г. Тюнен, Э. Голденберг и др.), уделявших особое внимание трём китам в планировании: по транспорту, трудовым ресурсам и принципу агломераций [7; 40; 42]. Два первых вошли в особый интеллектуальный актив отечественных учёных и практику номенклатурной элиты, проводившей в жизнь региональную политику.

Дальневосточная стратегия в контексте заявленной авторами концепции тесно связана с историей деятельности Госплана СССР и Госплана РСФСР: именно на их площадках состоялся диалог политиков и учёных, где вопросам теории размещения производительных сил уделялось

большое внимание. Связующим звеном плановых органов и науки стал Совет по изучению производительных сил СССР (СОПС)⁵ [18].

Определённым импульсом для развития теории и практики планирования стал поиск обоснования схемы выделения округов Дальневосточного края. Этим вопросам посвящались специальные совещания ещё в 1920-е гг. (Читинский съезд по районированию Восточной Сибири, 1924; Хабаровское Совещание представителей Губпланов и Дальплана по вопросам районирования ДВО, 1924; Общесибирское Совещание по обсуждению и установлению единого плана районирования Сибири и Дальнего Востока, 1925).

Начальный советский опыт планирования развития Дальнего Востока, как и во времена империи, характеризуется влиянием политического фактора, но в 1920-е гг. это происходило в условиях хозяйственной автономизации и дискуссий на предмет степени самостоятельности региона [35]. В апреле 1926 г. в Хабаровске состоялась первая конференция по изучению производительных сил советского Дальнего Востока. Её инициаторами и участниками были практики и учёные: Л.В. Крылов (сотрудник Далькрайплана); В.К. Арсеньев (исследователь); А.П. Георгиевский (учёный и архивист); А.М. Ярмош и Г.М. Мевзос (экономисты); К.Я. Лукс (с 1926 г. был назначен заместителем председателя Дальневосточного комитета содействия народам Севера и уполномоченным Главнауки Народного комиссариата просвещения РСФСР на Дальнем Востоке, председателем Совета Дальневосточного географического общества) и др. Материалы этой конференции использовались при составлении «Записок о состоянии и нуждах ДВК» (1927), «Плана капитального строительства ДВК на десятилетие», «Перспективного плана народного хозяйства и культуры ДВК на 1927—1932 гг.».

Совещание стало солидным инструментом обеспечения местного руководства оперативной информацией, необходимой для составления перспективных планов развития региона и включения его в программу советской колонизации. Стремительное и масштабное вмешательство политического режима в хозяйственные вопросы и победа в дискуссии по теории планирования так называемого телеологического направления [40, с. 41—48] привели к господству централизованной системы планирования, которая включала и специальные постановления по Дальнему Востоку. Такие партийно-государственные документы становились инструментом управления в целях мобилизации ресурсов, направленных на решение приоритетных региональных проблем с учётом быстро изменяющихся исторических ситуаций.

Ещё в 1930-е гг. в докладах сотрудников СОПС была обоснована необходимость общего сдвига производительных сил страны на Восток

⁵ Научно-исследовательское учреждение при АН СССР (1930—1960), Госплане СССР (1960—1992), затем и при Министерстве экономического развития по проблемам размещения производительных сил и региональной экономике.

[3, с. 12—16; 29, с. 3—15]. Позже эти идеи нашли большую поддержку у В.С. Немчинова, который с 1949 по 1963 г. возглавлял совет. Он, будучи учёным и практиком, разработал вопросы строительства промышленных предприятий, гидроузлов в верховье Енисея, в бассейне Амура, рассматривая их как центры будущих крупных общехозяйственных комплексов. Нельзя не отметить роль дальневосточной секции Госплана СССР во главе с Н.Н. Колосовским, который также был учёным и практиком [17]. Методологическая база, созданная им совместно с Н.Н. Баранским, привела к появлению теории производственно-территориальных комплексов, способствовала решению важнейших задач в области экономического районирования и территориального планирования [20]. Н.Н. Колосовский провёл исследование хозяйственного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, проблем использования Сибирской магистрали, экономического развития ряда сибирских регионов, участвовал в проектировании Урало-Кузнецкого комбината и Прибайкальского комплекса («Ангарстрой»).

В декабре 1930 г. Госплан начал работу по составлению Генерального плана электрификации СССР, который должен был отвечать новым задачам советской модернизации [9; 22, с. 75—83]. Политическое руководство отправило на Дальний Восток инженеров по электрификации и теплотехнике, и они трудились над составлением перспективного плана развития электроэнергетики региона. Но в силу объективных причин, в том числе и слабой изученности огромного малоосвоенного региона, учёным, партийным и хозяйственным работникам в начале 1930-х гг. удалось создать «дальневосточный ГОЭЛРО» лишь в самом общем и приблизительном варианте [22, с. 75—83]. В 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР обязали Госплан РСФСР создать условия для резкого увеличения доли края в промышленном производстве страны. Впервые в дальневосточной практике ставилась задача ускорить развитие промышленности ради создания «собственной прочной материальной базы», способной обеспечить армию и флот в тылу при масштабном военном конфликте. Это постановление было выполнено на 130%.

Анализируя высокие показатели выполнения советского плана на Дальнем Востоке, следует отметить, что они были достигнуты большими усилиями советских людей и чрезмерными гуманитарными издержками, в том числе и за счёт принудительных миграций. Так, 35—40% занятых рабочих и служащих в промышленности региона приходилось на сектор принудительного труда, а на Северо-Востоке — 80%.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ПЛАНИРОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В результате ускоренных преобразований к началу 1940-х гг. экономика Дальнего Востока трансформировалась, совершив переход от автономного к индустриальному типу с развитым добывающим сектором,

поставлявшим дефицитные природные ресурсы народному хозяйству СССР, и сильной оборонной промышленностью. Регион стал частью централизованной экономической системы, был полностью интегрирован во внутрисоюзную систему. Перспективы развития территории включались в общесоюзные пятилетние планы под эгидой задачи создания и развития военно-индустриальной базы, укрепления советского форпоста на восточной границе [5, с. 21—28; 22, с. 75—83; 23, с. 16; 27, с. 35—56, 75—122].

В годы Великой Отечественной войны основные мероприятия по усилению обороноспособности Дальнего Востока реализовывались с оперативным учётом экономического и военного потенциала Советского Союза.

С середины 1950-х гг. в центральные партийные и государственные органы, в том числе в Госплан РСФСР, с Дальнего Востока увеличился поток различных документов (ходатайств, просьб), в которых уже широко были представлены местные инициативы, связанные с перспективой развития территории. Тогда Госплан РСФСР активизировал свою «циркулярную» деятельность, чтобы владеть информацией об истинном положении дел на Дальнем Востоке, к тому же руководство аппарата стремилось играть ключевую роль в сфере контроля за развитием региона [27, с. 71—73].

Новый этап индустриализации на Дальнем Востоке, начавшийся во второй половине 1950-х гг. [27, с. 199—209], требовал создания специализированных научных учреждений. В обстановке «политической оттепели» 1950-х — начала 1960-х гг., смягчения политического режима и ориентации курса правительства на улучшение уровня жизни в стране учёные смогли активизировать своё участие в диалоге с политиками, используя разные формы информирования о результатах своих исследований. Уже тогда «формировалось экспертное сообщество, происходила его институализация в форме научных советов при органах власти» [4, с. 16]. С образованием Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы в 1955 г. начали свою деятельность Научный совет и Научно-исследовательский институт труда. В последующие годы содействие им оказывал Всесоюзный научно-методический центр по организации труда и управления производством (ВНМЦ), созданный при Госкомтруде СССР в 1966 г. [ГАРФ. Ф. Р-6950. Оп. 1. Д. 38. Л. 18—19].

Дальневосточная тематика приобрела заметный статус в исследованиях учёных-экономистов, которые в своих работах акцентировали внимание на проблеме закрепления трудовых ресурсов в регионе с помощью усиления материального фактора.

В политической повестке дня был выдвинут тезис о необходимости внимания к Северо-Востоку и Крайнему Северу страны [4, с. 16; 33]. Возобновилась реализация концепции развития советской арктической зоны, начавшаяся ещё 1930-е гг., когда были достигнуты значимые научно-практические результаты, но к середине 1950-х гг. в этом направлении исследовательские работы не координировались, они проводились

разрозненно [15, с. 186]. Рост научного интереса к районам Севера усилился после ведомственной реструктуризации. В 1953 г. состоялся переход Главного управления Северного морского пути (Главсевморпуть) из ведения Совета Министров СССР в Министерство морского транспорта СССР. В результате Главсевморпуть, ранее занимавшийся исследованием, проведением геологической разведки ресурсного потенциала и промышленным строительством в Арктике, утратил эти возможности.

Происходившая одновременно с этим реорганизация системы ГУЛАГа затронула социальный состав полярных промышленных центров и поселений. Изменившиеся социально-экономические условия требовали новых подходов к проблемам развития северных районов. Большое внимание уделялось организации исследований. Первым координационным центром изучения северных территорий при Академии наук и Госплане СССР стала созданная в 1954 г. Комиссия по проблемам Севера, которую возглавил С.В. Славин, имевший богатый научный опыт в этой сфере (с 1947 по 1957 г. — начальник Северо-Восточной и Северной комплексных экспедиций, заведующий сектором экономики Севера Института экономики АН СССР; с 1947 по 1988 г. — участник международных и всесоюзных конференций по исследованию Севера). Сформулировав принципиально новый подход, он сместил акценты с приоритета развития промышленного сектора на необходимость повышенного внимания к созданию благоприятной среды для проживания населения в регионе, снижения оттока мигрантов, прибывавших на северные новостройки по общественным призывам и комсомольским путёвкам [15, с. 183—184; 37; 38]. В те годы многие достижения в области планирования были связаны с практической деятельностью структур Госплана СССР [3, с. 12—16; 10; 25, с. 7—33; 30, с. 99—100, 281—342], в том числе Научно-исследовательского экономического института и СОПС.

На основе научных трудов СОПС за 1959—1965 гг. экономисты провели системные исследования перспектив развития производительных сил Дальнего Востока. Значительное содействие им оказывали коллективы учёных Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ). А.П. Минакир подчёркивает, что в период 1965—1985 гг. разработка «концепций» как специфических вербальных моделей регионального развития становится одним из основных инструментов прогнозирования в региональной экономике [25, с. 11].

Одним из первых к разработке территориального стратегического планирования приступил академик В.С. Немчинов. Используя накопленную обширную информацию о Дальнем Востоке, работая в тесном контакте с научно-исследовательскими институтами краевых и областных центров, он предложил концепцию развития производительных сил региона, которая базировалась на утверждении, что в генеральной перспективе

советский Дальний Восток может представлять собой крупную экспортно-импортную базу. В условиях плановой системы хозяйствования динамика отраслей тяжёлой промышленности, особенно военно-оборонной и добывающего сектора экономики региона, оставалась замкнутой на жёсткое централизованное материально-финансовое обеспечение [29, с. 3—15; РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1435. Л. 31; Д. 1315. Л. 8].

На практике данная концепция оставалась составной частью программы СОПС. Нарушая хронологию, заметим, что идея ориентировать экономику Дальнего Востока на рынки государств Азиатско-Тихоокеанского региона всё-таки частично осуществлялась в 1970-е — первой половине 1980-х гг., в основном через приграничную торговлю и японские инвестиции (они привлекались в форме компенсационных соглашений в 1968, 1970, 1974 гг.) [ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 1089. Л. 116; РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1435. Л. 111—112, 114—115; Д. 1483. Л. 71 об.]. Эти новшества существенно не изменили характер дальневосточной политики, тем не менее они продемонстрировали, что государства с разными экономическими системами и политическим устройством находили взаимовыгодные варианты сотрудничества по ряду важных вопросов, связанных с экспортно-импортными поставками сырья, готовой продукции, товаров народного потребления.

К концу 1960-х гг. работники плановых органов столкнулись с проблемой балансов основных сырьевых ресурсов, необходимых для развития промышленности, что по времени совпало с ухудшением военно-политической обстановки на дальневосточной границе. Тогда под руководством академика Н.Н. Некрасова, возглавлявшего СОПС с 1966 по 1979 г., была разработана новая концепция планового развития советского Дальнего Востока, базировавшаяся на совершенствовании и усилении роли региона в межрайонном разделении труда исходя из потребностей внутреннего рынка. Именно она на практике получила широкое распространение. Усиленный акцент был сделан на комплексности народного хозяйства дальневосточной территории, которая рассматривалась как часть национальной экономики СССР, что определяло долговременный характер новой концепции.

Ведущими элементами комплексного развития выступали природные ресурсы Дальнего Востока, многие из которых были дефицитными в других районах страны (олово — свыше 80% запасов СССР, золото — 27%) и превосходившими средние общесоюзные показатели (лес — 30%, уголь — 38%, гидроэнергоресурсы — 33%), особенности географического положения региона, поставки экспортной продукции (круглый лес и коксующиеся угли — 70%, рыба и морепродукты — 41%, сырая нефть — 30% и др.) [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 2. Д. 720. Л. 68; Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1435. Л. 107—108].

Научный вклад в разработку новой концепции внесли дальневосточный сектор СОПС, которым руководил М.С. Жиров, и дальневосточный сектор ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, возглавляемый В.П. Логиновым. Проведённый ими глубокий и всесторонний анализ состояния экономики

Дальнего Востока показал важность дальнейшего развития экспортной базы региона: это способствовало формированию эндогенных промышленных центров, ориентированных в большей степени на добычу сырьевых ресурсов, налаживанию новых каналов экспортно-импортных поставок, трансграничному развитию не только ряда периферийных районов Дальнего Востока, но и зарубежных государств (например, некоторых провинций Китайской Народной Республики).

Впоследствии научные выводы СОПС нашли своё отражение в «Директивах XXIII съезда КПСС по развитию народного хозяйства на 1966—1970 гг.» и Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» № 638 от 8 июля 1967 г. [35, с. 473—486], в которых была закреплена привилегия для Дальнего Востока в модели планирования, где доминировавшими направлениями стали обеспечение потребностей западных районов страны продукцией сырьевых отраслей промышленности региона, развитие производства электроэнергии и капитального строительства в регионе [14, с. 65, 67; 30, с. 287; 31, с. 85—86]. Постановление № 638 было выполнено на 80% [26, с. 19].

В целом с 1965 по 1985 г. была проведена крупномасштабная работа по созданию на Дальнем Востоке мощной индустриальной базы: за 20 лет было построено около 500 промышленных предприятий, среди которых были крупнейшие новостройки (Амурский целлюлозно-картонный комбинат, 1967 г.; Солнечный горно-обогатительный комбинат, 1968 г.; Приморская гидроэлектростанция, 1974 г. и др.) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 145. Д. 426. Л. 4; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 58. Д. 11. Л. 135]. К началу 1970-х гг. валовой продукт Дальнего Востока формировался на 70% за счёт промышленности. Начался приток централизованных инвестиций в хозяйственное развитие региона (табл. 1).

Таблица 1

Централизованные капитальные вложения в развитие народного хозяйства Дальнего Востока СССР (по данным СОПС, млн руб.)

Отрасли народного хозяйства Дальнего Востока СССР	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
промышленность	5 083	8 000	11 045	17 715
стройиндустрия	483	940	1 250	1 570
сельское хозяйство	1 340	2 614	3 400	4 320
транспорт и связь	1 360	2 760	5 915	7 145
торговля, общественное питание	613	831	1 240	1 450
лесное хозяйство	70	90	100	130
непроизводственная сфера	4 300	6 520	10 910	15 600
Всего	13 249	21 755	33 860	47 930

Сост. по: РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1483. Л. 122; Ф. 14. Оп. 1. Д. 4530/2. Л. 87.

Однако начиная с 1970-х гг. выполнение государственной концепции комплексного развития, подкреплённое увеличением капитальных вложений в развитие региона, не было обеспечено соответствующими методами управления (о методах мы подробно писали в коллективном труде ИИАЭ ДВО РАН) [14, с. 56—73]. Усиливались диспропорции в динамике промышленного комплекса, капитальные вложения в развитие отдельных отраслей уменьшались, обострилась и проблема преодоления дефицита трудовых ресурсов. В своих научных рекомендациях специалисты СОПС предупреждали, что Дальний Восток является районом пионерного освоения, поэтому его хозяйство характеризуется рядом особенностей, не присущих старым развитым районам [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 2. Д. 718. Л. 1а, 2]. К их числу СОПС относил единовременные и эксплуатационные издержки по производству аналогичной промышленной продукции, которые по сравнению с западными районами РСФСР, Уралом и Сибирью на Дальнем Востоке были намного выше.

Наличие удорожающих факторов (слабое развитие собственной базы стройиндустрии, сложные климатические условия, удалённость от основных центров, поставлявших технику и оборудование, повышенный коэффициент расчёта заработной платы и др.) вкупе с тенденцией их роста являлось объективным тормозом развития региона и свидетельствовало о трудностях реализации стратегии комплексного развития производительных сил. В конце советской эпохи в политических документах использовались новые расчёты учёных, которые служили аргументами для обоснования усиления внимания к проблемам Дальнего Востока. Чаще всего это были сведения об удорожании стоимости строительства. Так, ценовые коэффициенты строительно-монтажных работ по сравнению с европейской частью РСФСР составляли для Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв — 1,35; для северных районов Хабаровского края — 1,40; для Магаданской и Камчатской областей — 1,60; для северных районов Камчатской и Сахалинской областей — 1,70. При этом на практике объёмы капитальных вложений были, как правило, выше, чем проектные данные. Это подтверждали и расчёты дальневосточного сектора СОПС, произведённые по 20 машиностроительным предприятиям региона. Они показали, что при строительстве данных объектов превышение затрат по сравнению с центральными регионами страны составило около 18 млн руб., или почти 30% стоимости сооружения этих заводов. Вопросы же управления и организации производства находились на втором плане как у политиков, так и у позднесоветского экспертного сообщества.

К 1985 г. темпы роста объёма промышленной продукции стали снижаться, началось сокращение финансовых потоков в экономику региона. Если в 1960-х гг. среднегодовая динамика роста капитальных вложений составляла 8,3%, в 1970-х гг. — 4%, то к середине 1980-х гг. — менее 3%, а общий объём произведённой промышленной продукции снизился с 1965 по 1985 г. почти в 3,9 раза. Капиталоотдача на дальневосточной

территории была на 25% ниже, чем в целом по РСФСР [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 42. Л. 3, 63]. Одновременно росла себестоимость многих видов продукции чёрной металлургии, машиностроительной, рыбной, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности.

Для советской модели планирования была характерна попытка проектирования и реализации масштабного проекта — «строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и освоение её зоны», на который власть возлагала большие надежды как на форму оптимизации социально-экономической ситуации в регионе. Но грандиозная стройка также выявила комплекс управленческих проблем и сложности развития социально-бытовой инфраструктуры.

В то же время взятый партийно-советским руководством в начале 1960-х — второй половине 1980-х гг. курс на стирание различий между центральными районами и дальневосточной периферией [30, с. 281—282] (как часть стратегии комплексного развития производительных сил региона) заставил Центр провести переориентацию ряда финансовых потоков на выплату льгот, строительство объектов социально-бытового назначения и дальнейшее хозяйственное освоение Дальнего Востока СССР. И даже по некоторым показателям уровня жизни к середине 1980-х гг. произошло выравнивание по сравнению с другими регионами, о чём мы подробно писали ранее [30, с. 281—282].

В условиях реализации государственной экономической стратегии ускоренного и комплексного развития планировалось, что в перспективе именно дальневосточная территория будет иметь определённые преимущества перед другими регионами страны, а её производительные силы начнут развиваться опережающими темпами. В 1970—1980-е гг. на регион приходилось 5% общего объёма централизованных инвестиций по СССР (для сравнения: этот показатель в 1930-е гг. равнялся 6,3%), но при этом с 1965 г. здесь не был реализован полностью ни один пятилетний план. Наиболее высокие показатели выполнения плана были достигнуты в годы восьмой пятилетки (1966—1970) [24, с. 189—188]. Таким образом, замедление экономического роста Дальнего Востока было тесно связано с наличием управленческих проблем. Цивилизационной чертой территориального управления являлась необходимость ликвидировать дефицит трудовых ресурсов. В течение всех лет советской власти проблема реализации планов ускоренного развития традиционно увязывалась с планами привлечения новой рабочей силы, восполнения её за счёт прибытия из других регионов и дополнительного финансирования [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1436. Л. 13].

Труды учёных по проблеме закрепления трудовых ресурсов на Дальнем Востоке использовались управленцами при разработке многих правительственных документов. Созданная на базе Института экономических исследований Дальневосточного научного центра Академии наук СССР

лаборатория по изучению трудовых ресурсов Дальнего Востока под руководством Л.Л. Рыбаковского сосредоточила внимание на системном анализе процесса формирования населения, выявлении потребностей промышленности региона в трудовых ресурсах, а также на характеристиках условий труда и заработной платы в отраслях материального производства. Предоставленный солиднейший материал по демографическим проблемам развития региона лёг в основу партийно-правительственных постановлений по Дальнему Востоку.

Экономическая комиссия ВЦСПС часто использовала труды учёных, обращая внимание политического руководства при составлении планов и принятии специальных документов по Дальнему Востоку на социальные проблемы жителей региона [ГАРФ. Ф. 9653. Оп. 3. Д. 333. Л. 106—108; 32; 34].

В позднесоветскую эпоху в целом плановость была направлена на укрепление системы национального хозяйства, в которой территориальные ячейки ограничивались рамками хозяйственных комплексов экономических районов. В 1965—1985 гг. плановость использовалась как инструмент выравнивания различий в уровне социально-экономического развития территорий. В пятилетних планах выделялись специальные задания по восточным районам. Затем они закреплялись специальными партийно-советскими постановлениями. Советская практика регионального планирования завершается Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1987 г. «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года». Однако и этот документ был принят под давлением политических событий. Фактически он стал ответом М.С. Горбачёва на коллективное обращение первых секретарей обкомов, крайкомов Дальнего Востока о поддержке ускоренного развития территории. Тогда же произошло расширение территориального объекта планирования, Центр пытался усилить административный ресурс для укрепления связей между Сибирью и Дальним Востоком и обеспечения повышения роли СССР в АТР. Архивные источники содержат множество подготовительных материалов, которые были выполнены учёными, в том числе дальневосточными. Однако в силу известных исторических обстоятельств это постановление имело печальную судьбу и было исполнено всего на 30% [26, с. 19; 30, с. 680—692].

В период перестройки под влиянием либерально настроенных экономистов, приближённых к политикам высшего ранга, появилась новая идея, заимствованная из опыта других стран: создать на Дальнем Востоке свободные экономические зоны (СЭЗ) для ускоренного развития территории. Ситуация вокруг реализации такой идеи складывалась весьма своеобразно. По заданию Министерства иностранных дел СССР и Хабаровского крайисполкома Институт экономических исследований ДВО РАН изучал опыт КНР. В Приморье первый секретарь горкома КПСС г. Находки С.И. Шуталёв, проанализировав материалы прессы, в 1988 г. сам поехал

в КНР [36, с. 60—61]. Для реализации плана создания СЭЗ необходимо было получить государственное финансирование, и здесь вновь политический фактор сыграл решающую роль. По мнению А.Е. Савченко, хабаровчане очень долго изучали проблему, находкинские коммунисты активно действовали «через Москву, пригласив Е.М. Примакова (в то время директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР) для выработки концепции развития зоны» [36, с. 61]. Однако, по воспоминаниям В.С. Сиренко, получается, что именно его разработки легли в основу проекта СЭЗ «Находка» [8, с. 1, 4].

В 1990 г. президент России Б.Н. Ельцин в пику М.С. Горбачёву сделал политический жест — ускорил принятие решения по созданию СЭЗ «Находка». А судьба проекта, который пытались реализовать на о. Сахалин под руководством экономиста-либерала, губернатора В.П. Фёдорова и фактического «родителя» СЭЗ «Сахалин», бывшего вице-губернатора и начальника Главного планово-экономического управления Сахалинской области (1990—1994), кандидата экономических наук, доцента В.С. Сиренко, оказалась под угрозой. Именно борьба за власть в Центре, по мнению В.П. Фёдорова, привела к свёртыванию проекта: «...когда Ельцин боролся с Горбачёвым, заинтересованным сторонником СЭЗ стало руководство РСФСР... После распада СССР... когда отпала нужда в агитировании местных деятелей против него (Горбачёва) и его министра, власти России существенно поменяли свою точку зрения на СЭЗ...» [28, с. 346—347]. Кроме того, В.П. Фёдоров выступил против либерализации цен, Б.Н. Ельцин отправил ему телеграмму с рекомендацией отказаться от этой затеи [28, с. 346—347]. Позже появится ещё одно объяснение свёртывания программы СЭЗ «Сахалин», раскрывающее отношение Центра к региону в 1990-е гг. В одном из своих интервью В.С. Сиренко говорил, что разработки и концентрированное обобщение позитивного иностранного опыта оказались никому не нужными в современной России. «Сахалин для России всегда был колонией, из которой всё выгребали», — пояснил он [8, с. 4]. Таким образом, с одной стороны, эта инициатива фактически нарушала цельность советской системы планирования, а с другой — оказалась разменной политической картой. Этап обсуждения возможности создания свободных экономических зон в научных кругах и в бюрократических структурах закончился весьма своеобразным сценарием: деньги были распределены в СЭЗ «Находка». В 1992 г. она получила от Москвы 2 млрд руб., а в 1993 г. — 20 млрд руб. [8, с. 1, 4], но, как показывает анализ статистики, её деятельность не дала экономического эффекта [39, с. 78—79]. Более того, в тех политических условиях проект превратился в зону столкновения интересов целого ряда крупных корпоративных и властных российских и зарубежных структур. Среди них городская и краевая администрации; консорциумы южнокорейских и американских фирм; крупные международные и межрегиональные объединения и связанные с ними корпорации.

НОВЫЙ ЭТАП ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ:
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИДЕИ В СФЕРЕ ПЛАНИРОВАНИЯ
И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ, ИНКОРПОРАЦИЯ
ИХ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНУЮ ПОЛИТИКУ

В 1991 г. был ликвидирован Госплан СССР: уходила в историю централизованная плановая система. Созданное Министерство экономики РФ стало развивать программно-целевое планирование. В период радикальных реформ изменения в области территориального планирования в России происходили под воздействием целой цепи политических событий в стране. Кроме того, российские учёные стали обосновывать целесообразность внедрения в РФ ряда достижений мировой экономической науки. Прежде всего, речь идёт о научном интересе российских исследователей к новому циклу работ о пространственной экономике в рамках «новой экономической географии». Это теории «полюсов роста» Ф. Перу, «осей развития» П. Потье, «центра — периферии» Дж. Фридмана, теория эффекта городской агломерации Х. Ричардсона, теория П. Кругмана, которую условно можно назвать «экономика города, регионов и международной торговли». Степень активности учёных отражается в солидном историографическом багаже, но рамки статьи позволяют назвать лишь некоторые работы [11, с. 57—81; 13, с. 117—133; 21, с. 61—72]. Почву для дискуссии по дальневосточной тематике в экспертном сообществе создало распространение теории «проклятия ресурсов» (Р. Оти) [44; 45]. Историческая обстановка, включая геополитическую ситуацию в АТР, нарастающий миграционный отток населения требовали повышенного внимания Центра к управленческим проблемам Дальнего Востока.

Смена модели развития Дальневосточного региона проходила в целом под воздействием новой парадигмы планирования в России, что определило дальневосточную политику. Ещё в 1990-е гг. в научный и управленческий дискурс вводится понятие «индикативное планирование». Индикативные планы стали масштабно применяться во многих странах (Скандинавские государства, Франция, Индия, Южная Корея, Япония, а также некоторые государства Латинской Америки, а уже в XXI в. — в Китае) [12, с. 81]. Индикатор — параметр, определяющий границы, «в пределах которых система, включающая в себя технологические связи, организационные механизмы, а также материальные и финансовые потоки, будет работать и развиваться для претворения в жизнь общенациональной цели» [12, с. 81]. В отличие от советской плановой модели индикативная имеет характер ориентировочной и необязательной, не как при советском Госплане, когда всё фиксировалось в постановлениях, имеющих в СССР силу закона.

Внедрению новой формы способствовало и «ручное управление» регионами в период правления президента Б.Н. Ельцина. По отношению к Дальнему Востоку в 1990-е гг. власть провозглашала модель,

по-прежнему основанную на теории развития производительных сил. В целой серии официальных документов декларировалось комплексное развитие территории за счёт равномерного освоения её природных богатств, а также строительства и размещения новых предприятий, но в те годы была утрачена политическая и экономическая основа для взаимоотношений Центра и региона постсоветского типа. Долговые обязательства Центра перед территориями стремительно нарастали. Подробно ситуация в регионе описана в книге «Исторические проблемы социально-политической безопасности» [14, с. 105—132].

Социально-экономические реформы 1990-х гг. привели к нарушению хозяйственных связей территории с другими регионами страны, к сильному оттоку населения, общему процессу деиндустриализации. Произошло фактическое сокращение социальных обязанностей государства по обеспечению базового уровня благополучия населения. В регионе исчезла всеобщая занятость, появилась безработица. С начала 1990-х гг. минимальная заработная плата перестала соответствовать реальному минимуму материальной обеспеченности. С 1991 г. методика расчётов прожиточного минимума в России менялась трижды, и всегда в сторону ужесточения. Минимальная потребительская корзина в 1992 г. была в два раза дешевле корзины позднесоветского времени, а прожиточный минимум с 2000 г. стал всего на 15—20% выше физиологического минимума 1992 г. [16, с. 97]. К концу 1990-х гг. Дальний Восток представлял собой депрессивный регион, потерявший по сравнению с 1991 г. более 1 млн чел., 63% стоимостного выражения промышленного производства и в целом утративший значительную часть экономического потенциала.

Растущая социальная напряжённость в регионе в этот период и политический торг Б.Н. Ельцина с дальневосточными губернаторами накануне новых президентских выборов стимулировали утверждение Федеральной целевой программы 1996 г. Однако в то время было не до рывка в развитии региона, и основной целью программы стала его экономическая стабилизация. Однако реформы дали старт появлению нового управленческого класса в России, который в литературе часто называют бюрократией развития. Она проявила особый интерес к трём концептам пространственной экономики, которые можно сформулировать в крайней сжатой формуле: признание межрегионального неравенства и его динамики; назначение ответственных корпораций за локализацию хозяйственной деятельности; концентрация экономической деятельности на основе корпораций. Однако активный процесс формирования новой стратегии планирования и развития региона приходится уже на начало XXI в.

Сменившая ельцинскую команда президента В.В. Путина начиная с 2005—2006 гг. предприняла фактически мозговой штурм, осуществляя поиск новых решений в области национальной идеи поворота России на Восток. Ставка была сделана на новые подходы прогнозирования и планирования и на деятельность новой бюрократии, которая концентрировалась

в созданном в 2004 г. Министерстве регионального развития РФ. Таким образом, Центр вынужден был признать провал первой постсоветской Программы 1996 г. В то же время высший слой управленцев не был готов к реализации нового дальневосточного курса по ряду обстоятельств, в том числе из-за отсутствия персональной ответственности за срыв планов, о чём говорит смена шести министров за 10 лет работы Минрегионразвития [6, с. 161—179].

В июне 2005 г. это министерство круто изменило концептуальные подходы к региональной политике, представив правительству «Концепцию стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации». Также был принят Федеральный закон об особых экономических зонах в России. Министерство занималось перспективами развития Дальнего Востока до создания в 2012 г. нового — Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока.

В данной концепции акцент был сделан на дифференцированное развитие территории, т.е. речь шла уже о фактическом закреплении разных ролей и статусов субъектов РФ в экономике и территориальной структуре хозяйства страны. На первый план выдвинули вопрос о приоритетном развитии (т.е. государственной поддержке) регионов двух типов — «опорных» и «полюсов роста». Первые — это наиболее крупные, экономически развитые регионы России, вторые — динамично развивающиеся средние и небольшие [6, с. 161—179]. Фактически внедрялась идея государственного территориального планирования, но ориентированного на концепцию пространственной экономики.

Научные идеи пространственной экономики стали активно реализовываться государством на российском Дальнем Востоке в 2010-е гг., после ряда политических событий — заседаний Совета безопасности по дальневосточной повестке, проведения Саммита АТЭС в 2012 г. во Владивостоке и др. К этому времени уже произошло обновление управленческого аппарата в Минвостокразвития, что позволило создать специальные органы управления развитием Дальнего Востока и организовать новые площадки диалога власти, управленцев, учёных и экспертов (рис. 1).

Идеи пространственной экономики с воодушевлением были восприняты управленцами под эгидой тезиса об особой роли Дальнего Востока в обеспечении национальных интересов. Особенно эта идея имела мощное обоснование в связи с геополитическими изменениями, что достаточно и глубоко проанализировано российскими исследователями [41, с. 174—178].

В 2007 г. власти объявили о новой Федеральной программе по развитию Дальнего Востока и Забайкалья. Однако она оказалась малоэффективной: за пять лет полностью было реализовано лишь 37% предусмотренных мероприятий. Самым наглядным примером являются демографические индикаторы. Так как плановые показатели были невысокими и отсутствовали реальные механизмы закрепления населения,

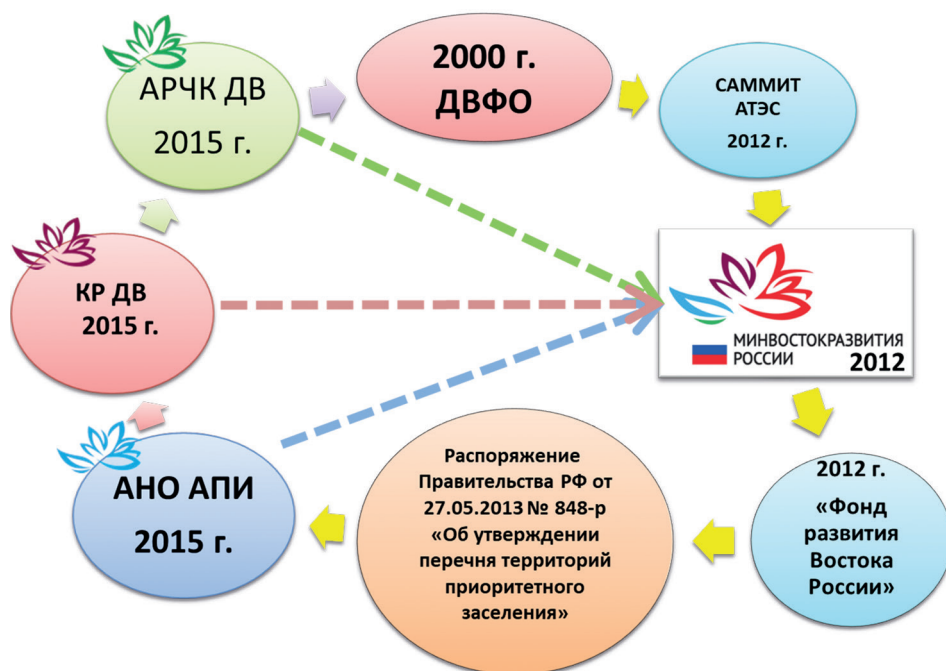

Рис. 1. Институты и инструменты управления и развития Дальнего Востока России

итог был закономерным — продолжение демографической деградации на Дальнем Востоке [43, с. 76—93].

В 2016 и 2018 гг. программа в целом подвергалась существенной корректировке с учётом парадигмы программно-индикативного планирования. Так, в редакции Постановления Правительства РФ от 9 августа 2016 г. № 757 целевые индикаторы численности населения были на порядок снижены, а цель программы получила более скромную формулировку: «Повышение уровня социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья; обеспечение потребности в трудовых ресурсах и закрепление населения на Дальнем Востоке» [43, с. 76—93].

Вся геополитическая обстановка, солидное научное обоснование, а также организационные условия в течение ряда лет подготовили почву для появления новых инструментов планирования развития территории и управления. Целевые индикаторы программы теперь должны достигаться за счёт внедрения такой формы, как территории опережающего развития (ТОР). Начался новый этап в дальневосточной политике — подготовка законодательного оформления ТОРов и создания зоны «Свободный порт Владивосток». История подготовки нормативно-правовых документов показывает, что внедрение этих форм на Дальнем Востоке России государство связывало с двумя социальными силами: управленческим классом и новым социальным слоем — предпринимателями.

Признаками политического влияния на программный подход к планированию развития территорий являются установленная властью норма

корректировки документов, а также включение «дальневосточных разделов по опережающему развитию» в 29 государственных программ и расширение числа дальневосточных субъектов РФ с преференциями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные две стратегии планирования и развития Дальнего Востока показывают, что их становление и реализация постоянно испытывали воздействие как геополитической ситуации, так и внутреннего социально-политического комплекса факторов. А это вполне можно назвать отличительной чертой российского цивилизационного пространства. Советская модель планирования стала отражением государственного менталитета политической элиты и научного мировоззрения учёных, их взглядов на роль территории в обеспечении развития всей экономики государства. Сдвиг производительных сил на восток обеспечил создание индустриальной базы в регионе и условия для установления здесь на 20 лет (1960-е — первая половина 1980-х гг.) относительно устойчивой социально-демографической ситуации. В годы перестройки наступил кризис советской системы планирования, в 1989—1992 гг. начался распад хозяйственных связей как части централизованной плановой системы, приведший в том числе к деиндустриализации и социальной напряжённости.

В условиях начавшихся либеральных реформ не было единства среди политиков и учёных в понимании развития Дальнего Востока, и региональная политика сохранялась номинально. В начале XXI в. политика государства по отношению к Дальнему Востоку реализовывалась на основе развитого механизма согласований действующей бюрократии, что особенно ярко отражается в принятом законе РФ 2014 г. «О стратегическом планировании в РФ». С другой стороны, сам набор дальневосточных проблем, таких как ресурсное богатство при слабой освоённости, геополитическая значимость и уязвимость территории, побуждало государство к управленческим реформам.

В XXI в. Россия пытается на Дальнем Востоке внедрить с помощью модернизированных форм планирования стратегию «сплочённого капиталистического государства», в котором бюрократия стремится осуществить новый индустриальный рост и выход на внешние рынки, опираясь на появившийся класс предпринимателей. В целом принятие ФЦП 2007 г. по развитию Дальнего Востока, а также управленческие новации при всех издержках в деятельности бюрократии, безусловно, являются вкладом в интеллектуальный и политический опыт планирования. Но в контексте общего блага, т.е. создания достойных условий жизни для большинства дальневосточников, на сегодняшний день они ещё мало результативны. На рубеже XX—XXI вв. дальневосточная политика изменялась под воздействием глобализации, о чём ярко свидетельствует инкорпорация зарубежных идей в научные разработки и попытки реализовать их на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов П.Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). М.: Наука, 1986. 150 с.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т., Мошков А.В. Изменения в территориальных структурах хозяйства и расселения Дальнего Востока при переходе к рыночной экономике. Владивосток: Зов тайги, 1996. 186 с.
3. Балакина Л.П. Академик В.С. Немчинов о научных проблемах оптимального пространственного размещения производительных сил страны (1949—1963 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 12—16.
4. Ващук А.С. Дальневосточный вектор России в контексте диалога власти и научного сообщества (XX в. и современность) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 22. С. 9—29.
5. Ващук А.С. Проблемы управления Дальневосточным регионом в советский и постсоветский периоды // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 21—28.
6. Ващук А.С., Шишкина О.Е. История создания свободного порта Владивосток: от идей к реализации закона // Россия и АТР. 2019. № 3. С. 161—179.
7. Вебер А. Теория размещения промышленности / пер. Н.В. Морозова. М.; Л.: Типо-ва «Старый Петербург», 1926. 223 с.
8. Виктор Сиренко: «Сахалин — это колония разваливающейся России...» // Губернские ведомости. 1994. 14 мая. С. 1, 4.
9. Генеральный план электрификации СССР. Т. 8. Ч. 1. Сводный план электрификации. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. 856 с.
10. Гладышев А.Н., Николаев Н.И., Сингур Н.М., Шапалин Б.Ф. Экономика Дальнего Востока. Проблемы, перспективы. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1971. 406 с.
11. Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 57—81.
12. Демидова С.Е. Особенности индикативного планирования в России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика, право и управление. 2016. № 3. С. 79—83.
13. Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // Восток России: проблемы освоения — преодоления пространства / под ред. В.А. Крюкова и В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 117—133.
14. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / под общ. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.
15. Калеменева Е.А. Смена моделей освоения советского Севера в 1950-е гг. Случай Комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181—200.
16. Ковалевская Ю.Н. Кризис повседневности на дальневосточной периферии в 1990-е гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 22. С. 94—115.
17. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
18. Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915—1930 гг. СПб.: Наука, 1999. 181 с.
19. Корф А.Н. Краткий очерк Приамурского края: по официальным данным. СПб.: Военная типография, 1892. 65 с.

20. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. М.: УРСС, 2000. 368 с.
21. Макара С.В. Пространственный анализ: развитие концепции и возможностей применения // Вестник Финансового университета. 2012. № 2. С. 61–72.
22. Маклюков А.В. «Дальневосточный ГОЭЛРО»: Из истории планирования электрификации Дальнего Востока в середине 1920-х — начале 1930-х гг. // Ойкумена. 2015. № 4. С. 75–83.
23. Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7–28.
24. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
25. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Рензин О.М., Шейнгауз А.С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 7–33.
26. Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальний Восток: реальные стратегии и мнимые программы // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 13–21.
27. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4).
28. Назарова Е.Ф. На волне перестройки (О Валентине Петровиче Фёдорове) // Губернаторы Сахалина / Арх. отд. Администрации Сахал. обл. Гос. арх. Сахал. обл. Южно-Сахалинск, 2000. С. 346–347.
29. Немчинов В.С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил // Вопросы экономики. 1961. № 6. С. 3–15.
30. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / под общей ред. В.Л. Ларина, отв. ред. А.С. Ващук. Изд. 2-е, перераб. Владивосток: Дальнаука, 2018. 904 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
31. Платонова Н.М. Государственная стратегия развития топливно-энергетической базы Дальнего Востока РСФСР (1965–1985 гг.) // Власть и управление на Дальнем Востоке. 2011. № 2 (55). С. 80–89.
32. Постановление Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы № 512/П-28 «О размерах коэффициентов к заработной плате рабочих и служащих предприятий, организаций и учреждений, расположенных в районах Дальнего Востока, Читинской области, Бурятской АССР и Европейского Севера, для которых эти коэффициенты в настоящее время не установлены, и о порядке их применения» от 20 ноября 1967 г. URL: http://www.ussrdoc.narod.ru/ussrdoc_narod/usr_6700.htm (дата обращения: 25.11.2021).
33. Постановление Совета Министров СССР «Об утверждении Положения о Государственном Комитете Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы». URL: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_5028.htm (дата обращения: 09.12.2019).
34. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 888 «О мероприятиях по дальнейшему повышению благосостояния советского народа» от 26 сентября 1967 г. URL: http://www.ussrdoc.narod.ru/ussrdoc_narod/usr_6642.htm (дата обращения: 25.11.2021).
35. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 6 (доп.). 1966 — янв.—июнь 1968 г. М.: Политиздат, 1968. 816 с.
36. Савченко А.Е. Преодолеть границы: поиск новых форм внешнеэкономических связей для развития Дальнего Востока в 1985–1993 гг. // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 45–67.
37. Славин С.В. Природные ресурсы Севера в народном хозяйстве СССР. М.: Знание, 1975. 63 с.
38. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.

39. Социально-экономическое развитие свободной экономической зоны (СЭЗ) «Находка» в 1992 г. Владивосток: Госкомстат РФ. Приморское краевое управление статистики, 1993. 220 с.
40. Стожко Д.К., Стожко К.П. К вопросу о построении рыночной экономики в России: исторические альтернативы (к 130-летию со дня рождения Н.И. Бухарина) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 41—48.
41. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
42. Тюнен И.Г. Изолированное государство / пер. Е.А. Торнеус; под ред. и с предисл. проф. А.А. Рыбникова. М.: Экономическая жизнь, 1926. 326 с.
43. Чернолуцкая Е.Н. Государственные программы развития Дальнего Востока и демографическая динамика в дальневосточном приграничье в конце XX — начале XXI в. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 22. С. 76—93.
44. Auty R. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. Routledge, 1993. 272 p.
45. Auty R. The Political Economy of Resource-Driven Growth // European Economic Review. 2001. No. 45. P. 839—846.
46. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
47. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
48. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
49. РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. ист.).
50. РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики).

REFERENCES

1. Baklanov P.Ya. *Prostranstvennyye sistemy proizvodstva (mikrostrukturnyy uroven' analiza i upravleniya)* [Spatial Production Systems (Microstructural Level of Analysis and Management)]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 150 p. (In Russ.)
2. Baklanov P.Ya., Romanov M.T., Moshkov A.V. *Izmeneniya v territorial'nykh strukturakh khozyaystva i rasseleniya Dal'nego Vostoka pri perekhode k rynochnoy ekonomike* [Changes in the Territorial Structures of the Economy and Settlement of the Far East during the Transition to a Market Economy]. Vladivostok, Zov taigi Publ., 1996, 186 p. (In Russ.)
3. Balakina L.P. Akademik V.S. Nemchinov o nauchnykh problemakh optimal'nogo prostranstvennogo razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil strany (1949—1963 gg.) [Academician V.S. Nemchinov on Scientific Problems of Optimal Spatial Distribution of the Country's Productive Forces (1949—1963)]. *Vestnik YuUrGU*, series "Sotsial'no-gumanitarnye nauki", 2013, vol. 13, no. 1, pp. 12—16. (In Russ.)
4. Vashchuk A.S. Dal'nevostochnyy vektor Rossii v kontekste dialoga vlasti i nauchnogo soobshchestva (XX v. i sovremennost') [The Far Eastern Vector of Russia in the Context of the Dialogue between the Authorities and the Scientific Community (20th Century and Modernity)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2019, no. 22, pp. 9—29. (In Russ.)
5. Vashchuk A.S. Problemy upravleniya Dal'nevostochnym regionom v sovetskiy i post-sovetskiy periody [Problems of Management of the Far Eastern Region in the Soviet and Post-Soviet Periods]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 1, pp. 21—28. (In Russ.)
6. Vashchuk A.S., Shishkina O.E. Istoriya sozdaniya svobodnogo porta Vladivostok: ot idey k realizatsii zakona [The History of the Creation of the Free Port of Vladivostok: from Ideas to the Implementation of the Law]. *Rossiya i ATR*, 2019, no. 3, pp. 161—179. (In Russ.)

7. Veber A. *Teoriya razmeshcheniya promyshlennosti* [Theory of Industrial Placement]. Translated by N.V. Morozov. Moscow, Leningrad, Tip. o-va “Staryy Peterburg” Publ., 1926, 223 p. (In Russ.)
8. Viktor Sirenko: “Sakhalin — eto koloniya razvalivayushchey Rossii...” [Viktor Sirenko: “Sakhalin is a Colony of Collapsing Russia...”]. *Gubernskie vedomosti*, 1994, 14 May, pp. 1, 4. (In Russ.)
9. *General'nyy plan elektrifikatsii SSSR. T. 8. Ch. 1. Svodnyy plan elektrifikatsii* [General Plan of Electrification of the USSR. Vol. 8. Part 1. Summary Plan of Electrification]. Moscow, Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo Publ., 1932, 856 p. (In Russ.)
10. Gladyshev A.N., Nikolaev N.I., Singur N.M., Shapalin B.F. *Ekonomika Dal'nego Vostoka. Problemy, perspektivy* [The Economy of the Far East. Problems, Prospects]. Khabarovsk, Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1971, 406 p. (In Russ.)
11. Granberg A.G. Regional'naya ekonomika i regional'naya nauka v Rossii: desyat' let spustya [Regional Economics and Regional Science in Russia: Ten Years Later]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2004, no. 1, pp. 57—81. (In Russ.)
12. Demidova S.E. Osobennosti indikativnogo planirovaniya v Rossii [Features of Indicative Planning in Russia]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, series “Ekonomika, pravo i upravlenie”, 2016, no. 3, pp. 79—83. (In Russ.)
13. Isaev A.G. Territorii operezhayushchego razvitiya: novyy instrument regional'noy ekonomicheskoy politiki [Territories of Advanced Development: a New Instrument of Regional Economic Policy]. *Vostok Rossii: problemy osvoeniya — preodoleniya prostranstva*. [East of Russia: Problems of Mastering and Overcoming Space]. Ed. by V.A. Kryukov, V.V. Kuleshov. Novosibirsk, Izd-vo IEOPP SO RAN Publ., 2017, pp. 117—133. (In Russ.)
14. *Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoy bezopasnosti rossiyskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX — nachalo XXI v.). Kn. 1. Dal'nevostochnaya politika: strategii sotsial'no-politicheskoy bezopasnosti i mekhanizmy realizatsii* [Historical Problems of Socio-Political Security of the Russian Far East (the second half of the 20th — beginning of the 21st century). Book 1. Far Eastern Policy: Socio-Political Security Strategies and Implementation Mechanisms]. General ed. by A.S. Vashchuk. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2014, 360 p. (In Russ.)
15. Kalemeneva E.A. Smena modeley osvoeniya sovetского Severa v 1950-e gg. Sluchay Komissii po problemam Severa [Changing Models of Development of the Soviet North in the 1950s. The Case of the Commission on the Problems of the North]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2018, no. 2, pp. 181—200. (In Russ.)
16. Kovalevskaya Yu.N. Krizis povsednevnosti na dal'nevostochnoy periferii v 1990-e gg. [The Crisis of Everyday Life in the Far Eastern Periphery in the 1990s]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2019, no. 22, pp. 94—115. (In Russ.)
17. Kolosovskiy N.N. *Teoriya ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Theory of Economic Zoning]. Moscow, Misl' Publ., 1969, 336 p. (In Russ.)
18. Kol'tsov A.V. *Sozдание i deyatelnost' Komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii. 1915—1930 gg.* [Creation and Activity of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia. 1915—1930]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, 181 p. (In Russ.)
19. Korf A.N. *Kratkiy ocherk Priamurskogo kraya: po ofitsial'nym dannym* [A Brief Sketch of the Amur Region: According to Official Data]. Saint Peterburg, Voennaya tipografiya Publ., 1892, 65 p. (In Russ.)
20. Laksin V.N., Shvetsov A.N. *Gosudarstvo i regiony* [State and Regions]. Moscow, URSS Publ., 2000, 368 p. (In Russ.)
21. Makar S.V. Prostranstvennyy analiz: razvitie kontseptsii i vozmozhnostey primeneniya [Spatial Analysis: Development of the Concept and Application Possibilities]. *Vestnik Finansovogo universiteta*, 2012, no. 2, pp. 61—72. (In Russ.)

22. Maklyukov A.V. “Dal’nevostochnyy GOELRO”: Iz istorii planirovaniya elektrifikatsii Dal’nego Vostoka v seredine 1920-kh — nachale 1930-kh gg. [“Far Eastern GOELRO”: From the History of Planning the Electrification of the Far East in the Mid. 1920s — Early 1930s]. *Oykumena*, 2015, no. 4, pp. 75—83. (In Russ.)
23. Minakir P.A. O kontseptsii dolgosrochnogo razvitiya ekonomiki makroregiona: Dal’niy Vostok [On the Concept of Long-term Development of the Economy of the Macroregion: the Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2012, no. 1, pp. 7—28. (In Russ.)
24. Minakir P.A. *Ekonomika regionov. Dal’niy Vostok* [Regional Economy. Far East]. Moscow, Ekonomika Publ., 2006, 848 p. (In Russ.)
25. Minakir P.A., Dem’yanenko A.N., Renzin O.M., Sheyngauz A.S. Ekonomicheskie issledovaniya na Dal’nem Vostoke Rossii [Economic Research in the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2006, no. 3, pp. 7—33. (In Russ.)
26. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Dal’niy Vostok: real’nye strategii i mnimye programmy [The Far East: Real Strategies and Imaginary Programs]. *Vestnik DVO RAN*, 2007, no. 5, pp. 13—21. (In Russ.)
27. *Mir posle voyny: dal’nevostochnoe obshchestvo v 1945—1950-e gg.* [The World after the War: Far Eastern Society in the 1945—1950s]. General ed. by V.L. Larin, executive ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, Dal’nauka Publ., 2009, 696 p. (Istoriya Dal’nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 4 [History of the Russian Far East, vol. 3, book 4]). (In Russ.)
28. Nazarova E.F. Na volne perestroyki (O Valentine Petroviche Fedorove) [On the Wave of Perestroika (About Valentin Petrovich Fedorov)]. *Gubernatory Sakhalina* [Sakhalin Governors]. Ed. by Arkh. otd. Administratsii Sakhal. obl. Gos. arkh. Sakhal. obl. Yuzhno-Sakhalinsk, 2000, pp. 346—347. (In Russ.)
29. Nemchinov V.S. Teoreticheskie voprosy ratsional’nogo razmeshcheniya proizvoditel’nykh sil [Theoretical Issues of Rational Allocation of Productive Forces]. *Voprosy ekonomiki*, 1961, no. 6, pp. 3—15. (In Russ.)
30. *Obshchestvo i vlast’ na rossiyskom Dal’nem Vostoke v 1960—1991 gg.* [Society and Power in the Russian Far East in 1960—1991]. General ed. by V.L. Larin, executive ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, Dal’nauka Publ., 2018, 904 p. (Istoriya Dal’nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5 [History of the Russian Far East, vol. 3, book 5]). (In Russ.)
31. Platonova N.M. Gosudarstvennaya strategiya razvitiya toplivno-energeticheskoy bazy Dal’nego Vostoka RSFSR (1965—1985 gg.) [Fuel and Energy Base of the Far East of the RSFSR (1965—1985)]. *Vlast’ i upravlenie na Dal’nem Vostoke*, 2011, no. 2 (55), pp. 80—89. (In Russ.)
32. *Postanovlenie Goskomiteta Soveta Ministrov SSSR po voprosam truda i zarabotnoy platy № 512/P-28 “O razmerakh koeffitsientov k zarabotnoy plate rabochikh i sluzhashchikh predpriyatiy, organizatsiy i uchrezhdeniy, raspolozhennykh v rayonakh Dal’nego Vostoka, Chitinskoj oblasti, Buryatskoj ASSR i Evropeyskogo Severa, dlya kotorykh eti koeffitsienty v nastoyashchee vremya ne ustanovleny, i o poryadke ikh primeneniya” ot 20 noyabrya 1967 g.* [Resolution of the State Committee of the Council of Ministers of the USSR on Labor and Wages No. 512/P-28 “On the Size of Wage Coefficients for Workers and Employees of Enterprises, Organizations and Institutions Located in Districts of the Far East, Chita Region, Buryat ASSR and the European North, for which these Coefficients are not Currently Established, and on the Procedure for their Application” dated November 20, 1967]. Available at: http://www.ussrdoc.narod.ru/ussrdoc_narod/usr_6700.htm (accessed 25.11.2021). (In Russ.)
33. *Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR “Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom Komitete Soveta Ministrov SSSR po voprosam truda i zarabotnoy platy”* [Resolution of the Council of Ministers of the USSR “On approval of the Regulations on the State Committee of the Council of Ministers of the USSR on Labor and Wages”]. Available at: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_5028.htm (accessed 09.12.2019). (In Russ.)

34. *Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR № 888 "O meropriyatiyakh po dal'neyshemu povysheniyu blagosostoyaniya sovetskogo naroda" ot 26 sentyabrya 1967 g.* [Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR no. 888 "On measures to further improve the welfare of the Soviet people" dated September 26, 1967]. Available at: http://www.ussrdoc.narod.ru/ussrdoc_narod/usr_6642.htm (accessed 25.11.2021). (In Russ.)
35. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: sb. dokumentov. T. 6 (dop.). 1966 — yanv.—iyun' 1968 g.* [State Strategy for the Development of the Decisions of the Party and the Government on Economic Issues: Collection of Documents. Vol. 6 (add.). 1966 — Jan.—June 1968]. Moscow, Politizdat Publ., 1968, 816 p. (In Russ.)
36. Savchenko A.E. Preodolet' granitsy: poisk novykh form vneshneekonomicheskikh svyazey dlya razvitiya Dal'nego Vostoka v 1985—1993 gg. [Overcoming Borders: the Search for New Forms of Foreign Economic Relations for the Development of the Far East in 1985—1993]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 3, pp. 45—67. (In Russ.)
37. Slavin S.V. *Prirodnye resursy Severa v narodnom khozyaystve SSSR* [Natural Resources of the North in the National Economy of the USSR]. Moscow, Znanie Publ., 1975, 63 p. (In Russ.)
38. Slavin S.V. *Promyshlennoe i transportnoe osvoenie severa SSSR* [Industrial and Transport Development of the North of the USSR]. Moscow, Ekonomizdat Publ., 1961, 302 p. (In Russ.)
39. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie svobodnoy ekonomicheskoy zony (SEZ) "Nakhodka" v 1992 g.* [Socio-Economic Development of the Nakhodka Free Economic Zone (FEZ) in 1992]. Vladivostok, Goskomstat RF. Primorskoe kraevoe upravlenie statistiki Publ., 1993, 220 p. (In Russ.)
40. Stozhko D.K., Stozhko K.P. K voprosu o postroenii rynochnoy ekonomiki v Rossii: istoricheskie al'ternativy (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya N.I. Bukharina) [On the Question of Building a Market Economy in Russia: Historical Alternatives (to the 130th Anniversary of the Birth of N.I. Bukharin)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 41—48. (In Russ.)
41. *Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoy Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeystviya* [Pacific Russia in the Integration Space of Northern Pacifica at the Beginning of the 21st Century: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Cooperation]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2017, 386 p. (In Russ.)
42. Tyunen I.G. *Izolirovannoe gosudarstvo* [The Isolated State]. Translated by E.A. Torneus, general ed., with introd. by prof. A.A. Rybnikov. Moscow, Ekonomicheskaya zhizn' Publ., 1926, 326 p. (In Russ.)
43. Chernolutsкая E.N. Gosudarstvennye programmy razvitiya Dal'nego Vostoka i demograficheskaya dinamika v dal'nevostochnom prigranich'e v kontse XX — nachale XXI v. [State Programs for the Development of the Far East and Demographic Dynamics in the Far Eastern Border Region at the End of the 20th — Beginning of the 21st Century]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2019, no. 22, pp. 76—93. (In Russ.)
44. Auty R. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. Routledge, 1993, 272 p. (In Eng.)
45. Auty R. The Political Economy of Resource-Driven Growth. *European Economic Review*, 2001, no. 45, pp. 839—846. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию: 05.05.2022